

Свою книгу «Я – русский еврей»
известный кинодраматург
Леонид Браславский написал
по совету Лубянки.

Всю жизнь (за исключением разве что фрон-та) ощущая гнет пресловутого «пятого пункта», в конце перестроечных 80-х Браславский отпра-вил письмо Крючкову: если, предупреждал он, страна не покончит с антисемитизмом, пагубные последствия неминуемы. Неосторожного авто-ра вызвали на беседу, внимательно выслушали, а на призыв к борьбе возразили: вот вы и бори-тесь. Напишите обо всем, что нам рассказали.

Рассказ Браславского растянулся на 320 стра-ниц книжного текста, вышел за рамки пробле-мы антисемитизма и небольшим пока тиражом выходит в издательстве «Гендальф». Драматиче-ские перипетии его биографии изложены как увлекательный сценарий, недаром Браславский написал их десятки – для документального, а в последние 25 лет и для игрового кино. И за мно-гие, замечает он, ему не стыдно. Категория сты-да возникает по той причине, что большую часть жизни Браславский был связан с Цен-тральной студией документальных фильмов, куда пришел в конце войны, после фронта и тя-желого ранения.

– Это была, – вспоминает он, – отлаженная система по выпуску продукции, отражавшей идеологию Политбюро. Разукрашенная витри-на магазина с пустыми полками. Термин «ла-кировка» употреблялся совершенно всерьез. Когда мы, например, работали над фильмом о

целине, приехал Аджубей и заявил: «Ребята, вы тут снимаете Бог знает что, а Н.С. прислал меня лакировать, и я буду это делать». По этим филь-мам в Кремле судили, как замечательно стро-ится социализм и на местах сидят нужные люди. Приходилось очень сильно извораживать, что-бы не опускаться до оголтелой пропаганды.

А все традиции были заложены при товари-ще Сталине, который, в отличие от нынешних властей, придавал документальному кино иск-лючительное значение. Рассказывали, что на торжественной встрече Чкалова, Байдукова и Белякова, вернувшихся из триумфального по-лета в Америку, он распорядился всю церемо-нию повторить (у летчиков отобрали букеты и велели снова сесть в самолет), чтобы оператор, опоздавший к началу, снял все целиком. Или, когда выяснилось, что во время парада на Крас-ной площади 7 ноября 1941 года не смогли за-писать его речь (аппаратуру уже вывезли в Куй-бышев), Сталин еще раз прочитал ее с трибу-ны, сооруженной для этой цели в Кремле.

Однако сталинская любовь к киноплёнке не всегда кончалась для других благополучно. Оператор Николай Лыткин поплатился штрафом за то, что не запечатлел един-ственный выезд вожда на фронт: кому было дело, что его не пропустила охрана? Сергей Герасимов, возглавлявший в годы войны студи-ю документальных фильмов, промах иску-пал, слава Богу, не кровью. А промах на съем-ках Потсдамской конференции состоял в том, что Сталин прибыл туда ночью – пленка не брала. Герасимов мужественно взял вину на себя. «Вот вы и занимайтесь кино, – посове-

товал режиссеру мрачный вождь, – а полити-кой есть кому заниматься». Ирония была в том, что Герасимову несколько лет не давали заниматься именно кино.

– Как вы снимали фильмы, за которые вам не стыдно?

– Это были документальные ленты, как тог-да говорили, о «простых людях»: о председа-теле колхоза, инвалиде войны, о школьниках, об охотниках-поморах, о славящих леса, врачах медицинской авиации, геологах, лесо-рубках... Кстати говоря, в какую бы глушь я ни забирался, нигде не сталкивался с антисеми-тизмом – это вам не «центры цивилизации», равно как и на фронте. Я пошел доброволь-цем в парашютно-десантные войска. Там все защищали друг друга, было внутреннее брат-ство, осознание своей судьбы, которая могла оказаться очень короткой.

Уже в годы перестройки я снял фильм о Яко-ве Смушкевиче, раньше еврейские имена, герои-евреи в документальном кино не позволялись.

– Но ваша жизнь в кино сложилась доста-точно успешно.

– Я не могу пожаловаться, тем более что в труд-ных обстоятельствах мне всегда приходили на помощь порядочные русские люди. Но никогда не оставляю чувство: ты под подозрением, от-тебя постоянно ждут если не диверсии, то какой-нибудь гадости, ты заложник, которого власти в любой момент используют, чтобы излить гнев народа или показать, кто виноват, что у нас ни-чего не получается. Сегодня люди, которые осо-бенно остро реагируют на антисемитизм, име-ют возможность уехать. А тогда деваться было

некуда: извольте терпеть и, стиснув зубы, мол-чать. Правда, я далеко не всегда молчал.

– Судя по тому, что вы называли книгу «Я – русский еврей», для вас проблема отъезда не возникла.

– Я вырос на русской культуре, Чехов, Бунин – мои боги. Россия – моя родина, в конце концов, как и моих родителей и дедов.

– А в кино кто ваши боги?

– Довженко, с которым я был знаком и которо-му поклонялся. Величайший ум, невероятная фантазия. Но ему ничего не дали сделать, как и Дзиге Вертова. Крупнейший документалист, он снимал жизнь как она есть, а потом превращал эти кадры в искусство. Его девизом было «жизнь врасплох». Все открытия Дзиги Вертова, сделан-ные на заре документального кино, не использо-уются и на десятую долю. Окончательно задуши-ли его во время борьбы с «космополитизмом».

– Что может сегодня документальное кино?

– Может оно много, но увы... Документально-му кино сейчас гораздо хуже, чем игровому. Мало того, что государство отпускает мизерные сред-ства. Эти фильмы никто не видит, их не показы-вают даже по телевидению. Раньше на москов-ских кинофестивалях была обязательная докумен-тальная программа и пользовалась успехом. Из последнего же фестиваля устроили парадное мероприятие, никому, кроме узкого круга людей, неинтересное.

Ничто не дает человеку возможности узнать себя так, как документальное кино. Если в буду-щем понадобится воссоздать нашу эпоху, боюсь, потомкам придется прибегать к каким-то чужим съемкам, как мы, показывая сегодня войну, поль-зуемся кадрами немецкой кинохроники.